

Еще идя сквозь ужасы войны,
Мы испытали все, и в полной мере,
Кому-нибудь потомки не поверят,
Кому-то не поверят, нам — должны!

А. Прокофьев (1941 г.)

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

№ 1 ВОЙНА

В ранний предрассветный час 22 июня 1941 года началось вероломное нападение гитлеровской Германии на нашу Советскую Родину. В Советском Союзе не найдешь человека нашего возраста, который может забыть эту зловещую дату...

Мне довелось встретиться с незваными гостями с первого часа войны. Я, летчик, командовал 5-й эскадрилей 140-го бомбардировочного авиаполка 47-й авиадивизии, звание было капитан. В субботу 21-го водил эскадрилью по маршруту — отработка групповой слетанности. После полетов привели в порядок самолеты и пошли на отдых, погода была прекрасной, настроение летного состава отличное. Парторг эскадрильи старший лейтенант Ривкин и комиссар эскадрильи Павлик Алимов запланировали пикник — выезд в сосновую рощу, гулять. 140-й полк базировался — станция Сеща под Смоленском. Все приготовились в ожидании хорошего отдыха!

В 5.00 боевая тревога! Летный состав бегом к самолетам!! Летчики бегут, и я слышу, [что] между собой говорят, [о том, что] наше начальство само не снят и нам не дает, [что] вздумали [в] выходной день [устроить] тревогу. Как только прибежали к самолетам, нас встретили командир полка полковник Образков и начальник штаба полковник Косьянов: объявили нам страшную весть: враг вероломно напал на нашу Родину! Родина в опасности! И я получил боевой приказ — эскадрилей нанести удар по колонне танков, которая прорвала оборону Брестской крепости и движется на Барановичи! Эскадрилья вооружена новейшими самолетами по тому времени Пе-2 — пикирующими бомбардировщиками конструктора

Петлякова (покойного). Взлетаю звеньями, на высоте 1000 метров девятка в сборе, лег на курс!

Прохожу Минск, город весь в огне буквально, тысячи советских граждан с первой минуты войны погибли под обломками стен! Только за то, что они советские люди. Враг сбросил большое количество бомб на мирный город! Прохожу Барановичи, вижу колонну танков, все села: правая и левая [сторона] шоссе горят! Колонна шла — строй парадный — не ожидали удара! Штурман Абрамов Валя дает команду: доворот влево на 20 градусов. Наносим удар!..

Сбросил бомбы точно на врага. Голова колонны остановилась. Несколько танков загорелись, несколько танков перевернулись от волн, [вызванных] взрывами бомб. Хвост колонны рассредоточился, открыли огонь. Я сделал четыре захода на бреющем полете, поливая врага пулеметным огнем! После атаки был атакован истребителями «Хенкель-113» старого типа. Я дал команду сосредоточиться, принял бой, один стервятник нашел свою могилу. Привел эскадрилью на аэродром без потерь, доложил полковнику: «Задачу выполнил». Поздравил летчиков с первым боевым крещением! Комсомольцу Глушкову Ивану Семеновичу объявил благодарность. Моя эскадрилья совершила большое количество боевых вылетов в первые дни войны, [уничтожено было] на счету моей 5-й эскадрильи большое количество танков, самолетов, железнодорожных станций, эшелонов! Молодые летчики, штурманы, стрелки, радисты отважно дрались за Родину. Часто [имея] легкое ранение, отказывались идти в госпиталь. Летели в бой! Наша 47-я авиадивизия приняла первый удар на центральном направлении, мы несли колоссальные потери. Враг имел полное превосходство на земле и в воздухе. Но не теряли уверенность в нашей победе над врагом.

После боевого крещения, через несколько дней войны, первая правительственная награда! Указом Президиума Верховного Совета СССР 10 июля 1941 года я и несколько человек из моей эскадрильи [были] награждены орденами Красного Знамени за разгром переправы на реке Березине в городе Бобруйске. На 14-е сутки танковая колонна Гудериана заняла г. Бобруйск. Построив три понтонных моста для переправки танков на восточный берег, командир дивизии полковник Толстик Олег Викторович приказал мне уничтожить переправу. Приказ был выполнен: переправу уничтожил, задержал на некоторый период продвижение танков врага! В этом бою был атакован 16 истребителями — «Мессершмитт-109 и 115». В неравном бою я потерял три комсомольских экипажа — ст. лейтенанта Белова, лейтенанта Носихина, лейтенанта Лепихина. Их экипажи сгорели в бою, погибли за нашу Родину, четыре самолета врага [тоже] сгорели. А мой самолет [получил] 34 пробоины.

...Через несколько месяцев был назначен командиром авиаполка. Мой полк принимал самое активное участие в разгроме врага под Москвой. Всех эпизодов не опишешь, да и к тому я плохой писака.

*Агеев И.П., майор в отставке,
г. Москва.*

*7 июня 1961 г.
Д.1. Л. 55—56 об.*

№ 2

КАК Я В ПЕРВЫЙ РАЗ УВИДЕЛА ВРАГОВ

...Я далеко не ветеран войны, мне всего 26 лет, а вот дни войны все как один памятный день. Но и у меня есть один [самый] памятный день — день, когда я первый раз увидела их, врагов.

Это было в первые дни войны. Нас, несколько семей, эвакуировали в глухую деревню Бородулино Калининской области, расположенную в глухом лесу. Но и туда пришли они [враги] вместе со смертью. Несколько недель эту деревню немцы обстреливали из минометов. Настал день, когда они решили во что бы то ни стало захватить эту деревню. Во время боя нас, несколько семей, укрыли в подвале дома, где мы жили.

И тут началось то, о чем словами рассказать невозможно: загорелся дом, где мы сидели. Все бросились к маленькому люку, никому не хотелось сторечь живым. Люк был слишком мал, и все только мешали друг другу, плакали дети, взрослые тоже были в отчаянии. Нашлись смельчаки, выломали пол, и все бросились куда могли. Мы с мамой пробрались в соседний дом и залезли под сенницу. Среди ночи бой затих. Вдруг над нашими головами застучали сапоги, послышалась чужая речь, чьи-то стоны. Через несколько минут из дома донеслись нечеловеческие муки. Я не помню, уснула я или просто забылась, но вдруг сразу стало так тихо, что я услышала, как рядом попискивали мыши.

Утром мы выбрались из своего убежища, вошли в дом — там никого, только всюду валялись куски человеческого тела. Мы бросились в сарай, где была спрятана наша корова, и там, у теплого бока коровы, лежал русский солдат, тяжело раненный. Спрятать его было негде, кругом были немцы. Тогда мама подоила корову, напоила его молоком, завернула в дерюгу и волоком потащила к лесу, а я следом гнала корову, будто на пастбище. Грозный окрик немца заставил нас вздрогнуть, мама выпустила из рук дерюгу, взяла у меня поводок и пошла навстречу немцу. Я осталась стоять там, где меня застал окрик. Раненый был недалеко от леса и тоже слышал, как мама пошла навстречу немцу, он стал давать мне знаки, но я от страха ничего не понимала. Тогда он высвободился сам и пополз в густую траву. Удалось ли ему спастись, я не знаю, нам же только пришлось идти следом за немцем.

После нам пришлось пережить много моментов, когда мы были на грани смерти, но этот день запомнила, как никогда. У меня сейчас есть дочка, ей четвертый год. Когда я смотрю на нее, мне больше всего в жизни хочется, чтобы она не видела то, что пришлось увидеть мне, что иногда во сне приходит вновь, и меня охватывает ужас, что есть еще люди, которые вновь бряцают оружием...

*Бедункович Л.,
г. Москва,
10 июня 1961 г.
Д. 5. Л. 5.*

№ 3.

МОЯ СУДЬБА

С оружием в руках я начал сражаться с 1944 года: [мстил] за смерть своих родных, за товарища, за свой родной народ, за то, что они убили наши мечты о будущем, за искалеченную юность, за родные города и села, ставшие руинами, где ступала нога фашистского зверя, за вырубленный школьный сад. Мы мстили проклятому фашисту, как только могли, чтобы у них стоял страх, [когда они] на нашей земле.

Было веселое утро воскресного дня 1941 года. Стояли чудные теплые дни, я сдал экзамены за 8 классов так, как и мои товарищи. Я лично мечтал: закончить 10 классов и поступить в сельскохозяйственный институт, стать агрономом. Товарищ мой Володя хотел поступить в лесной техникум. Мы очень любили свой город, и в свободное время мы занимались рыбной ловлей. [22 июня 1941 года в] воскресенье я ждал его по договоренности к 6 часам утра, чтобы собраться на рыбную ловлю.

Встал я ровно в 5 утра, вышел на улицу. Володя, наверно, тоже не спал. В это раннее утро я впервые увидел чужие самолеты с крестами на крыльях, [летевшие] в сторону аэродрома, который находился в трех километрах за городом. Я не понимал и не мог себе представить, что это может быть. Но когда были сброшены первые бомбы, когда начали вылетать стекла из окон домов, я понял, что началась война. Кто еще спал в это утро, проснулся от страшных взрывов.

Я понял, что началась война, борьба не на жизнь, а на смерть. Планы наши с Володей рухнули, диктор объявил, что фашистская Германия без объявления войны варварски напала на нашу страну.

В этот день — первый день войны — самолеты врага трижды бомбили мой родной город (Калиновку Винницкой обл.). В этот первый день войны я увидел смерть своего близкого друга и товарища Володи. На втором заходе фашистские самолеты начали бомбить наш город, я и Володя побежали от дома: я в одну сторону, он — в другую. Самолеты низко летели и поливали свинцовым дождем.

Невдалеке стояла машина с солдатами, солдаты быстро выпрыгнули из машины и залегли в придорожный кювет. Володя полез под машину, брошенная бомба угодила в машину. И с тех пор не стало у меня близкого друга и товарища. В этот день в нашем районном городе я впервые увидел кровь — смерть невинных людей, своих товарищей и друзей. Я тогда еще мало понимал и разбирался, я и думать не хотел, что фашисты придут в мой родной городок, где я рос и учился, что прервется все наше веселое: юность, молодость, мечта о будущем и почти самая жизнь.

С первым днем войны люди уходили из своих насиженных мест. Как тяжело было бросать все то, с чем вырос, все знакомое и родное, с чем люди жили. Нас никто не пускал [на фронт], и никто нас не мог определить [в армию] в таком возрасте. Мы ежедневно ходили в отделения милиции, нам по просьбе давали участки, чтобы наблюдать за парашютистами врага. Мы хотели чем угодно помочь в те тяжелые памятные дни. В военкомате с

нами не хотели разговаривать. Выход получился один, родные решали свои и наши судьбы. Мы начали жить только в тревоге, так начала проходить наша тревожная юность.

Ровно через один месяц с начала войны 1941 года — 22 июля — к нам в город пришли оккупанты, они с первых дней начали показывать свою низость, зверство. Отец мой не мог по привычке разлучиться с кузницей, где проработал 30 лет. Через два месяца после прихода немцев отца забирают в лагерь г. Винницы, а в сентябре 1941 года [он] был зверски замучен фашистскими людоедами, как сотни тысяч борцов за свое правое дело.

Надо было мстить врагу жестоко, но мы не знали, с чего начать, одна малейшая оплошность — и смерть. Мать бросила дома младшего брата и сестренку и ушла в деревню, где родился и жил отец, чтобы отомстить, чем возможно, и бежать с этого места, пока здесь будут убийцы. В колхоз к нам пригнали раненых лошадей с фронта. Здесь фрицы их кормили и лечили, я решился на одно [дело] и во время пастбища загнал 8 лошадей в глубокую яму, и здесь они нашли себе гибель. В родной дом я больше не возвращался, там теперь ждала только смерть.

В 1942 году, примерно в феврале, забирают мать и моих младших братика и сестренку в гестапо⁷, и с тех пор я остаюсь один, и в деревне, где родился отец, нельзя было быть и показываться. Здесь были фашистские наемники, и все выдавали фашистам. В 1942 году, в сентябре, в деревне Мизяковские хутора Винницкой обл. встретился с партизанами после трехмесячных поисков и находился в кругу своих людей. По заданию командования в составе 5 человек под новый 1943 год отправились на магистраль железной дороги Калиновка — Винница пустить под откос эшелон для остановки движения с запада на восток. Ночью под Новый год — 1943-й — был спущен под откос и сожжен эшелон с пшеницей. В феврале 1943 года я был послан в деревню Писаривка Калиновского района, где работали наши военнопленные, чтобы перевезти в лес [столько], сколько удастся, человек.

Пленные работали под стражей. Надо было найти связь с ними и наметить время, когда сделать побег, приходилось очень туго. Через месяц работы мне удалось договориться и собрать 14 человек. До лагеря партизан дошло 6 человек, я с остальной группой был схвачен немцами. Три дня шел допрос через каждый час, три дня вместе с товарищами я лежал на цементном полу в крови, но каждый молчал. Из лагеря избитых, голодных нас бросили в тюрьму г. Винница. В тюрьме не разлучили, погрузили всех в эшелон, по 50 человек в вагон, забили вокруг все, обкрутили колючей проволокой и повезли. В течение трех суток нас не открывали, не давали пить, не было где сесть, все стояли. В нашем вагоне были люди разных возрастов, от 17 до 60 лет. Немцы угоняли всех, будущих солдат и кто может работать, стариков и больных расстреливали.

⁷ Г е с т а п о — тайная государственная полиция Третьего рейха в 1933–1945 гг. Входила в состав Министерства внутренних дел Германии.

На четвертые сутки езды, ночью, при помощи товарищей по вагону мне помогли открыть верхний люк вагона, и под покровом ночи я оставил эшелон. Выпрыгнул в снег. Здесь была граница с Польшей. До родных мест я добирался ровно месяц, днем нельзя было показаться в таком виде. Любой немец или полицай забирали всех прохожих, приходилось пробираться только ночами. [Когда] до своих товарищей оставалось 20–25 километров, я был схвачен полицаями и закрыт в каменный погреб. До прихода немцев меня выпустил житель деревни Кисляк Л.К., и вместе со мной он ушел к партизанам в мае 1943 года. В лесу настала для нас пора, что мы могли с любого дерева наблюдать за врагом, а также выполнить любое задание легче, чем зимой.

В деревне Хомутынцы очень свирепствовали немецкие прислужники, которые издевались над своими односельчанами, мне пришлось [принимать] участие при ликвидации фашистских наемников. Близкая пора освобождения от фашизма приближалась, слышен [был] гул артиллерии. Земля гудела, тревожно [было] для тех, кто пришел с оружием убивать наш народ, уничтожать все родное и близкое тебе сердцу. Я помню последний бой в лесу между Мизяковскими хуторами и деревней Брусленов.

Нас было четверо в дозоре, мы не ожидали, что немцы будут проезжать лесом на Винницу. В это время, откуда ни возьмись, верхом на лошади летит к нам человек в форме старшины. Мы знали по газетам, что наши войска приняли форму с погонами, но не верили, что это наш человек. Он доложил старшему по дозору, что с ним шесть человек, один солдат тяжело ранен, что они вышли из окружения под ст. Гнивань. Хотели дать бой немцам, которые ехали лесом, 19 повозок, на каждой по два фрица, мне лично было поручено сопровождать старшину до лагеря партизан. А они сами без выстрела обезоружили немцев и загнали в лес на просеку. Скоро подоспели высланные на помощь люди, и подводы с фуражом и снаряжением были доставлены к месту хозчасти. Плохо было держать с собой пленных, наш лагерь был передвижной, вокруг в окрестности, где мы находились, немцы сожгли села, и люди жили с нами, а большинство были народными мстителями. Например, деревни Пенкивка, Майдан, Брусленов, Дашкивцы Винницкой обл. были сожжены.

16 марта 1944 года был для нас радостным днем освобождения. Мы встретили своих, нашу разведку, людей с пятиконечной звездой на ушанках, я не верил своим глазам. Все вышли на волю из леса, каждый спешил к родным, знакомым, тянуло к родным местам, где рос, мужал, мечтал о будущем. Кто оставался работать в освобожденных районах от врага, кто уходил добывать фашистского зверя в его собственной берлоге.

Я стал солдатом. На родине в Калиновке ничего не осталось, ни дома, ни родных. Таких после освобождения от немцев остались тысячи. Я принимал участие при освобождении Румынии, Болгарии, Югославии и Венгрии. Везде я видел только одно: где ступала нога фашиста, лилась кровь людей, стояли смерть и руины.

На улицах Буды и Пешта, где делит Дунай Будапешт, русский солдат раздавал пищу из походной кухни венграм⁸. Везде видели народы Европы, где прошел русский солдат, свое освобождение от рабства. 1945 год, День Победы. Сколько людей земли погибли от рук палачей, не доживши [до] этого счастливого дня. Как болгары встречали наши войска, одни лозунги твердили: «Добро дошли, наши другари, русски братушки, вызволители».

Мы не допустим больше черных туч войны, пусть наша славная молодежь любит мир, стремится к труду...

*Бомбель А.Б.,
Винницкая обл., г. Калиновка,
8 июня 1961 г.
Д. 6. Л. 80—81 об.*

№ 4

СТРАШНАЯ ГИБЕЛЬ ДЕТЕЙ...

Я — медицинский работник — с первых дней войны находилась на Северо-Западном фронте в санбате, и часто приходилось тяжелораненых эвакуировать с позиции в тыл: однажды я в санмашинах привезла 60 человек тяжелораненых на разъезд Лычково, чтобы погрузить раненых в товарные вагоны, это было 1941 года в сентябре ночью. Мы работали только по ночам, днем нас сильно бомбили и обстреливали. Когда приехали наши санмашины с ранеными на разъезд, и видим страшную трагедию: рельсы торчат в дыбы, вагоны разброшены вверх колесами и почти все сгорели, только железное основание, что не могло гореть, и много, много детских трупов изуродованных, где голова, руки, ноги валяются, а то кусок мяса, а на железных основаниях вагонов висят кишки ребяток, и кругом глубокие воронки.

Мне и раненым рассказали свидетели этой страшной трагедии — служащие железной дороги, которые, спасаясь, бежали от страха, что творили звери, фашисты-немцы. Это вывозили из города Ленинграда всех детей, детских садов, и из психбольниц душевнобольных в тыл дальше от фронта, и вот что звери — немцы сделали с детьми, невинными крошками, разве можно забыть и простить гадам, вот на что способен враг!

Через год меня откомандировали на санитарный поезд начальником аптеки, наш поезд с передней линии фронта возил тяжелораненых и больных в тыл. Это было в январе 1942 года: мороз 40 градусов, в нашем поезде ехали из окопов два солдата тифозных больных. Поезд пришел на станцию Бологое в 6 часов вечера, станция большая, узловая, много скопилось поездов с ранеными, пополнением, продовольствием и боеприпасами. Шпионы четко работали на врага. Как поезд пришел, быстро — пока темно — всех раненых

⁸ 23 мая 1945 г. было принято Постановление ГКО об оказании продовольственной помощи населению Венгрии (См.: Великая Отечественная война. Словарь-справочник. М., 1985. С. 521).

развозили по госпиталям, вагоны поезда стали мыть, делать дезинфекцию, почти все делалось без света, в темноте, света показать нельзя, а нам всей команде поезда приказали идти в баню в 2 часа ночи. При станции Бологое нас было 13 женщин и 50 человек мужчин, всего 63 человека. И вдруг на станцию налетели 100 немецких самолетов, стали бомбить всех и всё, смешало все в грязь, казалось, вся земля тряслась от взрывов, все летело далеко в воздух, не поймешь, что творилось, светопреставление: вагоны с людьми в воздухе, да еще горели. В бане котлы с горячей водой страшно гудели; мы, все кто был в бане, сделались как ненормальные, женщины смешались с мужчинами, хватали все, что попадало под руки, чтобы во что-то одеться, мужчины надевали юбки, женщины — брюки, не обращали внимания ни на что; надевали на мокрое тело одни шинели, на головы — кто грязные портянки, кто рубашки, на босые ноги — кирзовые сапоги, и то чьи-то чужие. И вот все мокрые, голые бежали на улицу в снег до колена и в мороз 40 градусов, бежали, сами не зная куда, везде горело, пули, осколки летели во все стороны далеко, такое страшное представление продолжалось 2 часа, пока наши ястребки разогнали стервятника, а от нашего поезда осталась только память, и потеряли своих дорогих товарищей.

*С приветом,
Герасимова-Гаева Е.Н.,
капитан медслужбы,
Казань,
29 мая 1961 г.
Д. 13. Л. 34—35.*

№ 5

НА ПЕПЕЛИЦЕ

Летом 1942 года я возвращался на попутной полуторке в часть по знакомой дороге, по которой приходилось с боями отступать. Моему взору открылась тяжелая картина: вместо деревушек, живших тихой жизнью, остались лишь пепелища, да русские печи сиротливо упирались в небо обломками труб, и не живой души.

Тяжелый вздох невольно вырвался из моей души. Ведь не так давно здесь была жизнь. Люди трудились, отдыхали, справляли праздники. И не вспомнилось... Когда мы отходили, то жители угрюмо провожали нас и на лицах их можно было прочесть — что покидаете нас. Было больно смотреть на эту тяжелую картину. Но, увы! Война.

...Мы верили, что придем снова и выйдем врага. И вот я снова возвращаюсь по этой знакомой дороге, откуда только недавно выгнали врага, и, уходя, он старался уничтожить все, что только можно. Машина быстро затормозила, и шофер в полинявшей, видавшей виды гимнастерке вышел из кабины и подошел к колодцу, чтобы набрать в радиатор воды. Колодец был обнесен небольшим новым штакетником с дощечкой, на которой было написано «Питьевая вода». Отходя, враг старался засорить питьевые колодцы. Я подумал, что здесь побывали саперы, это их заботливая

рука огородила колодец, и медицинские работники проверили пригодность воды для питья. Соскочив с машины, промяв затекшие ноги, я подошел к щиту, наверху которого стояла надпись «Деревня Никулино» (Калининской обл., если не изменяет мне память), а рядом висел плакат, призывавший к мести над врагом. Внизу был написан на красном фоне красивыми буквами, сколько уничтожено домов и список расстрелянных фашистами мирных жителей. Рядом с фамилией 90-летнего старика стояло имя 9-летнего мальчика (был указан возраст). Гады! — невольно подумал я, ведь и мирное население не жалеют, ни стариков, ни детей. Я окинул пепелище и узнал крайнюю печь, которая была до половины разрушена снарядом, а нижняя часть ее украшена незатейливыми петушками; ведь в этом дому нам пришлось переночевать, и хозяйка, пожилая седая женщина, угощала нас крепким квасом.

Возле пепелища в сторонке стояла молодая березка. Верхняя часть кроны была сбита, а нижняя шелестела молодой листвой на ветру, лаская слух каждого прохожего. Среди пепла я увидел обугленную человеческую кисть руки, может быть, это она подавала нам в кружке квас, и к горлу невольно подкатился комок горечи.

Тут-то я почувствовал будущие тяжести этой проклятой войны. Будь проклят тот день, когда народился тот человек, который принес смерть, муки и разрушения всему живому на земле. Теперь я узнал гнусное лицо врага и его дела грязных, облитых человеческой кровью рук.

Ведь то, что приходилось повидать на линии фронта, то там солдаты, бой, кто кого, а здесь мирные люди, дети, старики, беспомощные и невооруженные. Да, печальная картина. Из раздумья меня вывел сигнал машины, и мы снова тронулись по изрытой снарядами дороге в сторону фронта. Издалека доносились орудийные раскаты, вскоре машина выпрыгнула на шоссе, всю в воронках. Скорее к моим товарищам-солдатам, навстречу врагу.

*Давыдов И.Е., быв. сержант,
г. Магнитогорск,
14 июня 1961 г.
Д. 17. Л. 16—18об.*

№ 6

РАЗБУДИЛ СИГНАЛ БОЕВОЙ ТРЕВОГИ

В 1941 году я учился на последнем курсе военно-дирижерского факультета Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского. Отыграв в сводном духовом оркестре Московского гарнизона майский парад на Красной площади, я готовился к отъезду на преддипломную стажировку.

В первых числах мая я и мои товарищи Гордеев, Варюхин и Еремин получили направление в Харьковский военный округ. Получив все необходимые документы, мы выехали в Харьков. Штаб Харьковского военного

округа направил меня в г. Белгород, где я получил направление в г. Суджу. Довольный назначением, я думал хорошо поработать эти два месяца стажировки (май—июнь) 1941 года: получу хорошую характеристику от командования и вернусь в Москву; на июль и август я собирался отдохнуть в родном Мариуполе. Мы должны были к октябрьским праздникам закончить работу над дипломными работами, сдать государственные экзамены и в годовщину Октября сделать выпускной вечер, после которого поехали бы на самостоятельную работу.

Я взял себе дипломную работу новую в области духовых оркестров, а именно переложить из симфонического оркестра для исполнения в духовом оркестре сцену письма из оперы «Евгений Онегин» Чайковского. Вот такие были планы.

Май 1941 года прошел в интересной и напряженной работе. Запасная дивизия, куда и получил назначение, расположилась в летних лагерях на берегу реки Суджа в живописном месте. Так как капельмейстер (военный дирижер) ушел в отпуск, я принял оркестр и начал самостоятельную работу.

Много работал над служебно-строевым репертуаром. Каждый вечер с группой музыкантов ходил в подразделения и разучивал новые строевые песни. Работа мне нравилась, и приятно было слышать, когда утром с новой песней уходили подразделения на занятия.

Палатки, где разместился оркестр, я обсадил цветами. Все шло хорошо. Началась вторая половина июня, стажировка подходила к концу. В субботу, 21 июня, я провел большой концерт оркестра и красноармейской художественной самодеятельности. После концерта воины разошлись по палаткам на отдых. Тихая июньская ночь. Я сделал записи в дневнике и тоже лег отдыхать.

Разбудил меня сигнал боевой тревоги. Начали быстро строиться подразделения. Комиссар дивизии сообщил, что немецкие дивизии без объявления войны вторглись в границы Советского Союза. После митинга части были сняты с лагерей и выстраивались для перехода на зимние квартиры.

Мне не забыть этот воскресный день — первый день войны. Во главе колонны двигался оркестр, исполняя марши. Подходим к селам — встречают женщины, старики и дети. К вечеру части пришли на зимние квартиры, где сразу же начали получать обмундирование, оружие и боеприпасы. Так началась другая жизнь. Вот коротко о первом дне войны. Но мне хотелось бы продлить свои воспоминания и написать о втором дне войны, ровно через месяц после ее начала, т. е. 22 июля 1941 года.

На следующий день меня вызвали в штаб и предложили возвратиться по месту службы. С большим трудом я добрался в Москву, где началась совсем другая жизнь. Подготовка к государственным экзаменам и несение службы на объектах.

В ночь с 21 июля на 22-е я заступил дежурить по штабу военного факультета Московской консерватории. Около 22 часов слышу голос диктора: «Воздушная тревога». Я потушил синий свет. Открыл окна и стал смотреть в небо: июльское, ясное и душное. Через несколько минут увидел трех «мес-

ПОБЕДЫ В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

В 1940 году, в октябре, мне посчастливилось призваться на службу в ряды Советской Армии¹¹. Как и все, я честно и добросовестно выполнял военную службу. До начала июня 1941 года находился в первой артиллерийской противотанковой бригаде рядовым солдатом. Как комсомолец, отличился, и меня оценили, я заслужил доверие, и в один прекрасный день меня вызвали в штаб бригады, где мне было приказано возить генерал-майора артиллерийской бригады тов. Москаленко Кирилла Семеновича. Чувствуя такую ответственность, я с серьезным подходом выполнял всякого рода задания, у нас была машина марки М-1¹².

Наша бригада была расположена в Западной Украине, вблизи г. Луцка, станция Киверцы. Это было 21 июня 1941 года. К 12 часам вечера, после выполнения военной службы, мы возвратились на ночлег в г. Луцк, в гостиницу, и легли отдыхать. Через несколько часов что-то меня разбудило, поднимаю голову и слышу стук в дверь. Встал, сел на кровать, и начал слушать необычный стук. Думал, вот-вот кто-то взломает дверь, зайдет. Тогда встал и включил свет, посмотрел на часы, было пять минут пятого 22 июня 1941 года. Стук снова продолжался, тогда решил разбудить генерала, но снова воздержался и решил, подожду еще, в случае чего я был наготове, в руках держал пистолет. Снова в голове появилась мысль: может быть, какие-то неприятели хотят напасть на генерала, и одному трудно будет охранять и сохранить жизнь генерала, и хотел нарушить покой генерала, и так от стука он проснулся. Я мигом открываю дверь, и в тот же миг взволнованно и в тревожном состоянии заходит высокого роста лейтенант (фамилию не знаю, так как в это время трудно было думать), он был из штаба армии. Остановился против генерала и начал докладывать о происшествии... И так сразу начал: «Товарищ генерал-майор, фашистская Германия напала вероломно на Советский Союз ровно в 4 часа утра 1941 года 22 июня, бомбят Владимир — Волыньск, Минск, Киев, Львов и форсируют реку Буг». От его разговора генерал удивился и, ударяя рукой в голову, сказал: «Все равно немцы не выиграют войну, хотя и вероломно напали».

Лейтенант из штаба армии снова продолжал докладывать генералу о том, что приказано вывести свои войска ближе к границам и держать оборону в заданном районе. Пока лейтенант [докладывал], я машину привел в боевое состояние. Поднялся обратно наверх, доложил генералу, что все наготове. Лейтенант... вернулся в штаб армии. А мы помчались туда, где была бригада.

На рассвете, уже двадцать минут пятого, мы были в бригаде по боевой тревоге. Генерал поднял всю бригаду, а уже гитлеровские стервятники-

¹¹ Термин «Красная армия» был заменен на «Советская Армия» в феврале 1946 г. (Советский Энциклопедический словарь. М., 1983. С. 1226).

¹² «Газ-М-1» («Эмка») — советский легковой автомобиль, серийно производившийся на Горьковском автомобильном заводе в 1936—1942 гг. и 1945—1948 гг. (модернизированный вариант).

бомбардировщики летали над нашими головами. Генерал-майор Москаленко вывел свои войска в заданный район, и в тот же первый день войны, 22 июня, как сегодня помню, сам генерал поехал со мной на разведку, и только мы по дороге забрались на бугор, смотрим, наступающие немецкие танки, несколько десятков штук, были от нас в двухстах метрах примерно. Генерал приказал мне мигом развернуться. Но развернуться было негде: была узкая и высокая насыпь дороги. Я решил поехать задом примерно метров 500—600, где мне удалось развернуть машину. Проехали несколько километров, добрались до наших противотанковых пушек и где генерал сам расставлял почти каждое орудие. Допустил неприятельские танки на хорошую видимость, и залпом из всех орудий было уничтожено большинство танков противника, а остатки танков попятились назад. Это наступление в первый день войны немецких танков на этом участке фронта было остановлено, за это сражение генерал-майор Москаленко был награжден орденом Ленина. Он и меня представил к правительственной награде за боевую отвагу и верность Родине и начальнику.

После этого я — участник Сталинградского, Донского, Центрального, 2-го Белорусского фронтов — [служил] и в оккупационных войсках в Германии. Демобилизовался в Берлине. По демобилизации третьей очереди весной 1946 года, уже четверть века работаю все время шофером. Это моя любимая профессия...

Я никак не могу забыть этого памятного дня.

*Кекелия В.А.,
Абхазская АССР, г. Очамчира,
18 июня 1961 г.
Д. 29. Л. 3—5.*

№ 11

ЗА ТАКИЕ ЗВЕРСТВА — МЕСТЬ, МЕСТЬ, МЕСТЬ...

До войны я жил в Чернигове со своими родными, где прошло мое детство. В 1940 году был призван в Красную армию и служил под Минском.

22 июня 1941 года в 4 часа утра весь полк был поднят по тревоге. Все мы решили, что это очередная учебная тревога. Услышав первые взрывы, все мы недоумевали: в чем дело? Никому из нас и в голову не пришла мысль о том, что началась война. Но из уст командира мы услышали всю горечь правды. Мои думы были у своих родных, что остались в Чернигове.

Пройдя Чернигов стороной, подразделение, в котором находился я, направлялось в сторону Киева. Связь между штабом и основными частями была прервана. Было решено любыми путями и средствами пробиваться к своим. Командир, разбив нас на группы по 5—10 человек, начал продвигаться ночью.

Наша группа продвигалась по территории Сумской области. Шли проливные дожди, на полях лежал неубранный хлеб, все это гнило в земле. У всех нас прохудилась обувь, гимнастерки, пропитанные потом, становились, как дубленые. Идти приходилось глухими дорогами, избегая

полицасв, которые в первые дни войны предали Родину, из шкуры лезли, чтобы угодить своим новым хозяевам — «Великой Германии».

Изредка мы заглядывали в деревню, чтобы достать что-нибудь поесть. К концу дня, мокрые, голодные и сильно уставшие, наша группа подошла к одному селу под Ромнами Сумской обл. Постучав в крайнюю избу, старший группы, сибиряк, старшина Виктор Сивков из Перми, попросил у хозяина переобуться и немного подсушиться. Хозяин, лет 45, с опухшим от самогона лицом и прокуренными желтыми пальцами, увидел измученных солдат с оружием в руках, кинулся бежать в село с криком «Партизаны!». Мы его тут же поймали и затащили в избу.

Увидев безвыходность своего положения, он рассказал нам, что часть, в которой он служил, попала в окружение и, поскольку его деревня «освобождена», пришел домой. (Позднее выяснилось, что через два дня после его прихода его назначили старостой и он с большой охотой пошел служить хозяевам «нового порядка».) Как потом мы жалели, что не пристрелили его тогда.

Затем он рассказал нам, что вчера проходила группа беженцев через их село — женщины с детьми — и как полицаи поймали этих безоружных, несчастных людей, вызвали карателей и всех их повесили. Притом 4 полицаи сами надевали им петлю на шею, выбивали из-под ног табуретку, и жертвы повисли с табличкой на груди и спине: «Юде, комиссарен, партизанен».

Одна женщина была полная, петля не выдержала, и она оборвалась. Тогда эти изверги, звери, а не люди, согнули два дерева, привязали поспевшую женщину за ноги и разорвали ее на глазах у своих детей.

Когда они кончили свое кровавое дело, приказали всем жителям села на протяжении 3 дней не снимать трупы и не подходить к ним.

Услышав о таких зверствах, у меня кровь ударила в голову, пересохло в горле. Ведь по рассказу и описаниям внешности детей и женщин сердце мне подсказывало, что среди повешенных были и мои родные.

Я отпросился у старшины, незаметно подошел к месту казни и разглядел трупы. Предчувствие меня не обмануло...

Мать висела с открытым ртом, очевидно, она что-то кричала. Я осветил фонариком, одежда сорвана, а рядом висели старшая сестра Нина и младший брат Миша. От такого страшного зрелища я бросился бежать. Куда не знаю. Был в состоянии потрясения. В моих ушах звучал голос матери: «Сыночек, посмотри на нас и на всех несчастных людей, как бесчинствуют на нашей земле фашисты и их прихвостни, как они наводят "новый порядок"».

В голове стучала кровь, выбивая слова: месть, месть, месть...

Месть за мать, братишку, сестренку и за отца, который погиб в первые дни войны и за всех мирных, ни в чем не повинных граждан, за родную землю, которую топтал фашистский сапог.

И я мстил.

С боями я дошел до Праги.

*Л. Константинов,
г. Чернигов,
29 мая 1961 г.
Д. 31. Л. 173—180*

№ 12

ОБОРОНА ПЕРЕМЫШЛЯ

В тяжкую годину 1941 года мы по велению Родины и сердца охраняли западные рубежи нашей Родины...

Мы ничего не забыли. Такое не забывается... Такое врежется в сознание на всю жизнь. И ни один пограничник из нашего погранотряда не должен забывать, что тот почет, который он заслужил, оставшись в живых, в значительной мере завоеван теми, кто погиб, отстаивая честь Родины.

С первого артиллерийского залпа наши пограничники поняли огромную опасность, нависшую над Родиной...

Утром на рассвете 22 июня 1941 года мы первыми приняли на себя жестокий удар врага. Вступили в неравный бой с вооруженными до зубов фашистам. Стояли до последнего дыхания, до последней капли крови за священную границу. Наш сводный пограничный батальон в составе 230 человек противостоял 101-й дивизии вторгшихся немцев и молниеносным контрударом на второй день войны при поддержке артиллерии выбил захватчиков из г. Перемышля.

Это был первый контрудар Великой Отечественной войны. Радио и газеты сообщали: «Стремительным контрударом наши войска овладели Перемышлем». Так сообщала сводка Совинформбюро. Это известие очень сильно обрадовало сердца всего советского народа. Наши пограничники в очень тяжелой обстановке, через один день после коварнейшего из нападений, отбирают город у немцев.

Много героических подвигов хранится пока только в памяти очевидцев, но слава героев, по стечению обстоятельств, не стала всенародной. О героях хорошо помнят в местах, где они сражались, кто жизнью своей сохранил жизнь будущих поколений.

В день начала войны пограничники были единственной военной силой в Перемышле, потому что регулярные части гарнизона незадолго перед вторжением ушли на маневры. С четырех часов утра шел жаркий бой, немцы осатанело бросались на наши боевые порядки, но их звериная ярость разбивалась в железную стойкость... пограничников заставы Поторыкина, резервной заставы взвода комендатуры и КП. Весь берег реки, железнодорожный мост, дамба у плотины были покрыты трупами. Оставшиеся в живых продолжали бороться, раненые не покидали поле боя. Не раз приходилось переходить у моста в рукопашную схватку и выходить из нее победителями. [Наши успехи свидетельствовали] о том, что армия гитлеровцев вовсе не так могуча, как некоторым казалось, что мы с первых часов боя не раз обращали их в бегство и видали их спины.

К вечеру 22 июня пограничники, не побежденные врагом, получили приказ: отойти на перегруппировку в район кладбища — на окраину города. Немцы шквальным огнем обстреливали место нашего расположения, и обстрел достиг уничтожающей плотности.

Гарнизон дота, в котором находились ст. лейтенант Бакаев и четыре комсомольца-пограничника, не покинул его и продолжал косить хлынув-

без объявления войны напала на нашу страну и подвергла бомбежке Киев и другие советские города...»

Он еще что-то говорил, но, оглянувшись, я не узнал поляну, на которой только что шло веселье. Как будто солнце спряталось и наступила ночь. Только что все смеялись, пели, плясали... и вдруг плотно сжатые губы, сдвинутые брови, суровый взгляд.

И этот усатый дядя, который еще не остыл от пляски, вдруг ссутулился, и стало видно, что это не «разудалый молодец» и что виски у него серебряные, а глаза усталые и морщин много... пробрался к грузовику, поднялся на него, оглядел всех и сказал: «Ну что ж, товарищи, пойдём защищать Родину». И сказал он это так твердо, так уверенно, как будто всю жизнь только и делал, что воевал.

Кто-то еще говорил с грузовика, но народ уже стал собираться и уходить.

Через полчаса никого не осталось на месте гулянья.

Так кончился этот чудесно начавшийся день, первый день войны.

Я написала вам, дорогие товарищи, о самом памятном дне в своей жизни.

*Талашманова М.,
инвалид Отечественной войны 2-й группы,
г. Свердловск,
2 июня 1961 г.
Д. 72. Л. 35—36 об.*

№ 21

СЕРДЦЕ СЖАЛОСЬ ОТ УЖАСА И БОЛИ

В 1941 году в ночь на 15 декабря освобождался г. Клин от немецко-фашистских захватчиков. Накануне ко мне зашел немец, который хорошо разговаривал по-русски, и сказал, что мы отступаем. Здесь в Клину у вас находятся 350 человек русских раненых солдат — пленных.

Они 21 сутки были не перевязаны — без медицинской помощи.

«Где они находятся, мне неизвестно», — закончил он и ушел.

На другой день после освобождения Клина я пошла их искать. Все кругом было заминировано. В больнице, на Крестьянской улице, мне встретился капитан медицинской службы Кукуев (имени я его не знаю).

О раненых он ничего не знал. Он узнал, что я местная жительница, и спросил: «Что вы здесь делаете?» Я ответила: «Ищу 350 человек раненых, которых немцы хотели сжечь».

Мы с капитаном отправились их искать. В этот день, в 3 часа дня, раненых пленных мы нашли в бараке напротив Первомайской фабрики.

Отступая, немцы решили сжечь этот барак, но второпях подожгли другой, соседний барак.

Войдя в барак, мы увидели ужасное зрелище. Сердце сжалось от ужаса и боли. Раненые русские бойцы лежали на соломе и даже на голом полу.

Многие стонали от нестерпимой боли. Бойцы были 21 сутки голодные и неперевязанные. Около них стояли консервные банки, в которых была налита вода, с размокшими сухарями, по которым ползали черви.

Изнемогая от боли, бойцы беспомощно стонали. Многие умерли. Увидев нас и узнав, что немцы отступили, они все заплакали, как маленькие дети.

Я, как медицинский работник, много видела ужасов, но такого пережить спокойно не могла и до сих пор не могу забыть.

Вместе с бойцами мы плакали и успокаивали их, как могли... Я пошла собирать народ: женщин, ребят — кто мог помочь.

Молодые и старые с ведрами, тряпками шли помогать. Многие со слезами готовили кушать и несли у кого что было покушать, относясь к ним как к своим сыновьям.

При обработке ран трудно передать, что было в ранах. Все раны были заражены червями, кровь засохла, и тяжело было разбинтовывать. Многие, не пережив, умирали, других отправляли в глубокий тыл. В Клину был организован медсанбат, куда приходили машины с ранеными и где была им оказана помощь.

Медсанбат был на Крестьянской ул., д.13 и в бывшем «Законовском» клубе. Все население Клина было призвано на спасение раненых.

*Тарасова А.М.
Рассказ записала Чибисова М.В., учительница,
Московская обл., г. Клин,
6 февраля 1965 г.
Д. 82. Л. 3—5*

№ 22

РАССТРЕЛ

Это было в с. Высунсы Николаевской обл. в 1941 году. В августе мне было 10 лет. Отец с первых дней войны ушел на фронт, а нас у матери было 5 детей, самой старшей 12 лет, а то все мал-мала, и мы остались в оккупации, так как эвакуироваться не успели.

Однажды я бежала к реке выкупаться, и я увидела самую страшную картину в моей жизни. От нашей деревни, как ехать в район, местность холмистая, у нас называют балки.

Подбежав к реке, я услышала крики и выстрелы.

Выбежав на пригорок, я увидела людей, оцепленных солдатами в фашистских мундирах с крестами. Они тянулись почти на целый километр. Там были седые старики, молодые, маленькие, даже грудные дети на руках были.

Я не видела, кто рыл этот ров, но я увидела, чем, т. е. кем его закидывают, всех этих людей по очереди ставили над этим рвом, раздевали и расстреливали. В стороне стояла легковая автомашина, видать, старшой какой-то был, а потому что, как расстреливали очередь людей, ему преподносили рюмку, и он пил за каждую очередь и хохотал.

Я лежала неподалеку от них в балочке. Там было что-то в виде окопа, и кустарник какой-то был, плакала, что-то выкрикивала, не помню. А туда бежать не могла, боялась даже смотреть на это. Закрывала глаза, но это все перед глазами было. Но вот ко рву поставили еще одну очередь, там была одна девушка или женщина молодая и очень красивая, а может, она мне показалась, что она красивая, так как она издалека очень красива. Когда раздели эту очередь, к ней подошли три солдата, разговора я ихнего не слышала, но видела, как ее, раздетую, вывели из очереди, поставили перед этими людьми, что-то говорили ей, показывали, потом на ее глазах расстреляли этих людей, а ее взяли и повели к машине. Когда ее подвели к машине, эти старшие расхохотались, налили рюмку и дали ей пить, она схватила эту рюмку и прямо старшему в лицо вылила вместе с рюмкой. Солдаты начали что-то выкрикивать, смеяться и снова налили ей рюмку. Один солдат стал и заслонил собой старшего. Он взял также рюмку, поднял и крикнул: «Хайль Гитлер» — и выпил. Эта девушка держала в руке рюмку, что-то им сказала, но я услышала отдельные фразы: «Советская власть...» — и наотмашь ударила одного солдата. Старшой выхватил пистолет и несколько раз выстрелил ей в голову, очевидно, они хотели, чтобы она перед смертью выпила за убийцу Гитлера под дулами автоматов, а возможно, ее хотели оставить для ихней пользы. Ведь она была очень красивая, и они думали, что за сохранение жизни она продаст себя, советскую девушку. Но она была героиней, она не продала себя, своих друзей, она не хотела себе красивой жизни, она до последней минуты помнила, не забывала, что она жила в Советском Союзе, ее последнее слово было «Советская власть». Она совершила геройский подвиг. Она была советская девушка. Да, фамилия и имя ее неизвестны, но пусть все знают, что она была и умерла героиней. Когда бросили эту девушку, они озверели, хотя они и были звери, когда поставили следующую очередь, там была девочка лет четырех. Такая кудрявая, черненькая, видать, она была с бабушкой, а мать была в толпе, потому что когда их поставили над ямой, то девочка бросилась оттуда к толпе, там какая-то женщина крикнула: «Беги, Белочка, ее зовут Бела!» — и она бросилась в противоположную сторону. Один фриц заметил, да и как было не заметить, если их был целый взвод, а толпа была уже маленькая. Он, гад, подбежал к ней и как мяч ее подбросит, так она перелетела прямо к яме, а второй почти на лету подхватил и в яму об стену. У нее вся головка разможилась, тогда я уже не смогла, я подхватилась, но здесь же меня какая-то женщина накрыла собой. Она, наверное, думала, что я из той толпы и хотела сохранить мне жизнь. Раньше я этой женщины не видела никогда. Со мной было плохо, и я очнулась уже в другой балке и уже почти темно было, все было вокруг тихо. На мне был какой-то груз. Я сперва ничего не поняла, где я, что со мной, как я туда попала, на мне лежала голова этой женщины. Она была раненая, и мы были только с ней вдвоем, я боялась уходить от нее, я знала, я понимала и чувствовала своим детским чутьем, что она мне жизнь спасла и я ей обязана жизнью. Конечно, я тогда так мало понимала. Когда она очнулась, ее слова первые были: «Помни, дочь, это были люди, евреи и коммунисты с Березнеговаты и еще откуда я забыла, кажется, с

Веселиново». Вот это ее слова первые и последние, так как я ее больше не увидела. Получилось это так: когда она это сказала, она снова упала в забытьи, начала что-то говорить, бредить, ее слова были: «Его надо спасти! Наложите швы. Это опасно, но надо сделать». Еще что-то говорила. А не могу вспомнить. Очевидно, эта женщина была врач. Она открыла глаза и попросила пить. Жестом руки она мне показала на сапог. Только тогда я заметила, что она в сапогах. В сапоге была не то грелка, не то баклажка, но воды не было, была пустая. Когда я вскочила бежать по воду, то увидела на глазах ее слезы. Она спросила, как меня звать, я сказала, она вздохнула и обратно застонала и начала бредить.

Я побежала с этой посудинкой по воду, а ведь темно было, я заблудилась, когда обратно шла. Я искала долго, но не нашла того места, пришла домой, забралась в сарае на сено, и до утра я не могла уснуть. Мне все время виделась то девушка, то эта женщина, а больше всего этот ребенок, эта Белочка. Я уснула на рассвете, проснулась от сильного шума.

У нас в сарае был погреб, и туда зашли румыны, пять человек, молоко искать. Матери дома не было. Я соскочила с сена, смотрю, двое выходят с этого погреба с кувшином молока, который мать держала для нас, коровы у нас не было, была коза, они увидели эту козу и хотели добавить еще молока, крикнули тем солдатам, те вылезли, поймали козу, привязали и хотели пододти. Двое держали за рога, два за задние ноги и только хотели дойти, она как вырвалась у них: и кувшин разбила, и зубы выбила.

Тогда один выхватил пистолет и застрелил последнее, что у нас осталось, а я стояла ни жива ни мертва, мне уже не жаль было животное, я видела, как умирали люди. Я спохватилась. Ведь уже было часов 9 утра, надо было бежать к этой доброй женщине. Я взяла хлеба, воды и сахару кусочек нашла и пошла искать. Я долго искала, нашли то место, но женщины там уже не было, ее, наверное, партизаны забрали, я так думаю, потому что если бы забрали немцы, то было бы слышно, а так о ней ничего не слышно было. Так я и до сих пор не знаю судьбы этой женщины.

Сейчас я уже имею сына 10 лет, и с тех пор прошло 20 лет, но головка этой девочки разможенная до сих пор стоит у меня перед глазами. Это никогда не забудется. Я думала напишу, то немного забуду — или успокоюсь, но нет, она у меня в глазах осталась и в памяти, как портрет прошлого, самого страшного в моей жизни, и никогда этого нельзя забыть.

И я, как мать, как очевидец этого самого страшного времени, заклинаю всех тех поджигателей войны, кто смеет протянуть руку на счастье моего сына, кто хочет отобрать самое дорогое, что дала нам партия, а самое дорогое — это есть счастье наших детей. Я не хочу, чтобы мой сын увидел то, что видела я в его возрасте. Но думаю, что из рассказов моих и он будет помнить, что такое война.

И пусть будут прокляты все те, кто смеет думать о том, чтобы отнять у нас счастье наше, убивать наших детей, отцов, матерей, самых близких для нас людей. Это не должно повториться. Еще прошу, если есть где жива эта женщина, то пусть она откликнется или, кто знает о ней хоть что-нибудь, пусть напишет, ведь я ей обязана жизнью своей. Я не хочу думать, что ее

нет, я хочу знать о ней все, и, может быть, кто хоть немного знает о ней, напишите, откликнитесь. Ведь она всему очевидец, что тогда происходило, и, может, она знает эту девушку, которая умерла героически, не захотела красивой жизни, не продала свою совесть, и в последние минуты своей жизни, такой короткой, так рано оборвавшейся, она помнила о Советской власти, верила в победу над этими гадами, верила в свой народ.

*Чертова В.В.,
г. Николаев,
15 июня 1961 г.
Д. 81. Л. 158—162 об.*

№ 23 ПЕРВЫЕ МИНУТЫ ВОЙНЫ...

...Я служил на западной границе. 21 июня был субботний день. После дневной усталости мы с командиром вышли на улицу. Солнце клонилось к западу. Было тихо, только последние птицы искали свои гнезда. Где-то вдали леса каркали сороки и вороны...

Постояли мы, поговорили о летнем периоде в боевой и политической подготовке личного состава подразделения. Разговор был наш перенесен в другую сторону жизни. Тов. Недопытальский (оперуполномоченный) заговорил тревожно и восхищенно: «Ну, тов. Крывенков (подаю ему правую руку), желаю хорошо вам отдохнуть с Любой. Поправляйся, набирайся силы и здоровья». Это были наши товарищеские проводы Крывенкова с женой, начальника объекта, на курорт в Сочи, который должен уехать 22 июня 1941 г. в 9 часов утра. Пришел в квартиру. Жена Галина Антоновна укладывала детей — сына Анатолия, шестилетнего, и дочь — Свету, 18-месячную, в постель. Пожелали мы им спокойной ночи. Я долго ходил по комнате, что-то тревожило, взволнован был, что начальник оставил меня за себя, так как я был замполитом. Но еще было почему-то особое волнение, взял в руки газету «Правда» — не читается, перевернул журнал «Большевик» — не хватает чего-то, лег спать, но оно не спится.

Вдруг заговорил сынок Анатолий. Ему не спалось. «Папка, а что бы ты делал, если б вот к нам в окошко лезли фашисты с гранатой и наганом? Захотели бы нас побить и нашу мамочку, Светочку. А у тебя только один наган, а мне нечем стрелять. Ну, ты б стрелял, а я патроны, патроны вам всем носил бы, особенно к станковому пулемету Черкова». Он любил первый номер — тов. Черкова, тот ему сделал детские салазки. Я сказал: «Спи сынок, хватит тебе воевать». Он мне ответил: «Ведь я тебя спрашиваю только: если б они лезли нам в окно». И так, погрузился всей семьей в последний глубокий заслуженный отдых — сон. Только часовые не спали, они охраняли наш отдых.

Перед рассветом Галина Антоновна в последний раз спокойно, не дрожало ее материнское сердце, прижала младенца Свету и покормила грудью. Последние минуты спокойного сна продолжались... Вдруг заскрипела

комнатная дверь, Галя услышала и спросила: «Ты куда, сынок, в такую рань встал». Но было уже поздно, он не услышал, выскочил во двор. И вот спустя несколько минут, в 4.10 утра, мы услышали гул моторов и мгновенно оглушительный взрыв бомбы в нашем расположении. Полетели стекла с рамами в комнату, и стекла нападали на Толину кровать, если б он лежал, его стекло б ранило в голову. Но детское сердце его почувствовало, он был с тыльной стороны дома. Мы схватились, Света горестно заплакала, а сына в комнате нет, вдруг вбегает он в распахнувшиеся коридорные и комнатные двери и кричит: «Папка, фашисты бомбят. Я видел много самолетов, и с них прыгают белые люди».

В коридоре раздавались тревожные звонки телефона, они возвещали о первом дне войны... Наши семьи были немедленно эвакуированы. Мы, опоясавшись патронами и гранатами, начали сражаться за нашу Родину...

Был сбит немецкий «мессершмитт» в первый день войны. Летчик, капитан, выпрыгнул на парашюте. Мы его подобрали, он сразу на допросе заявил: «Дайте мне русской водки и покажите летчика, который меня сбил». Его просьба была удовлетворена, полчаса они говорили, как вели воздушный бой. Тогда немец, смотря на комсомольский значок нашего летчика, сказал: «Но раз у вас такие молодые сбивают в воздухе таких, как я, уже имея восьмилетний опыт борьбы?.. Я, — сказал немец, — бомбил Испанию, Африку, Францию и другие государства, и никто ни разу меня не сбивал. Тогда, — продолжал он, — ясно, что вы, русские, победите нас, ибо там осталось мало опытных, как я, летчиков». И он показал на свои кресты. Далее он сказал: «Ведь это только первый, а не последний день войны с вами».

*Шевченко И.П., офицер запаса,
Кемеровская обл., г. Сталинск,
2 июня 1961 г.
Д. 84. Л. 88—89.*